

Когда Вэнь Суй и Си Чжоу пришли к Жань-Жань домой, она рисовала в своей мастерской на втором этаже. Дом Жань-Жань был старинным шестиэтажным зданием с мансардой на самом верху. Когда ещё разрешали перепланировку, родители Жань-Жань переделали её в небольшую двухуровневую квартиру. На втором этаже, с обеих сторон, располагались две открытых террасы, а студия Жань-Жань находилась рядом с одной из них. Было видно, что это семья с утонченным вкусом: несмотря на зиму, под навесом в теплице всё ещё цвели цветы.

— Изначально все цветы выращивала Жань-Жань, но из-за тренировок ей стало некогда, поэтому мы большинство раздали, оставив только самые любимые, — объяснила мама Жань-Жань. — Обычно за ними ухаживает её отец, у меня нет таких умелых рук, как у дочери.

В углу лежали шланги, компост и инструменты, по которым было видно, как часто ими пользуются. Подобные зеленые уголки на крыше были большой редкостью в городе, и сложно было представить, какой прекрасный вид открывался здесь, когда сад был полон цветов.

Жань-Жань сидела в мастерской, перед низкорослой сливой с бледно-белыми цветами. Она старательно обводила контуры на холсте. Та же сильная и ловкая правая рука, которой она стреляла из лука, теперь умело управлялась с кистью.

Когда мама Жань-Жань поднялась наверх с фруктами, Вэнь Суй и Си Чжоу всё ещё стояли у двери, тихо ожидая.

— Вы всё ещё здесь? Я позову её.

Вэнь Суй хотел сказать, что не нужно, но мама Жань-Жань уже открыла дверь и позвала дочь.

— Вы всё это время были снаружи? Мама, почему ты не позвала меня раньше?! — Жань-Жань с досадой отложила кисть и с притворным гневом посмотрела на мать.

Мама Жань-Жань, улыбаясь, сказала Вэнь Сую:

— Видишь, я же говорила, что она не боится, что вы помешаете, а наоборот, ждёт вас!

Последние годы, когда у Вэнь Суя и Си Чжоу появлялась возможность, они навещали Жань-Жань в команде, но почти никогда не приходили вместе. Си Чжоу уже бывал дома у Жань-Жань, а Вэнь Суй — нет. В этот раз Жань-Жань специально попросила их прийти вместе, и было непонятно, что задумала эта маленькая лисица. Впрочем, называть её маленькой было уже не совсем уместно. Девочка выросла: даже сидя она казалась выше, черты лица оформились, и она превратилась в красивую и яркую девушку. Она хотела поскорее подойти к ним и потянулась к костылям, стоявшим у стены. Вэнь Суй вдруг с удивлением заметил, что за спиной Жань-Жань, под пледом, стояло не инвалидное кресло, а самый обычный деревянный стул.

— Жань-Жань...

Вэнь Суй инстинктивно хотел поддержать её, но Си Чжоу схватил его за руку и молча покачал головой. В этом году было много соревнований, с момента их последней встречи прошло почти два месяца. Тогда Жань-Жань ещё передвигалась в инвалидном кресле. Но Вэнь Суй помнил её слова:

— Сяо Суй-гэ, в следующий раз, когда мы увидимся, я, возможно, буду доставать до твоего плеча!

Тогда он подумал, что Жань-Жань просто быстро растёт, и даже не осмелился предположить ничего другого. Неужели... Сердце Вэнь Суя затрепетало. Он смотрел, как девушка, крепко опираясь на костыли, медленно встала. Её худые ноги, раньше беспомощно свисавшие, теперь держали часть веса. Возможно, ей всё ещё приходилось напрягать мышцы живота, для баланса, и нужно было сосредоточиться, осторожно опуская голову. Каждый шаг давался ей с большим трудом, и она сделала только два шага вперёд. Но когда она подняла голову:

— Сяо Суй-гэ, смотри на меня...

Вэнь Суй не мог больше ждать. Он быстро подошёл к Жань-Жань, поддержал её, в его глазах читались изумление, волнение, но больше всего — огромная радость и гордость.

— Ты действительно достаёшь мне до плеча.

— Да! Я такая молодец, правда? — Жань-Жань с гордостью подняла лицо.

— Большая молодец, — кивнул Вэнь Суй.

Ему пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы не обнять эту девушку, нарушив все приличия. Её щёки покраснелись, на лбу выступили капельки пота. Эти два коротких шага стоили ей невероятных усилий, которые никто не видел. Несмотря на такую судьбу, её глаза всё ещё сияли, не желая сдаваться.

— Спасибо за твой подарок, он замечательный.

Услышав слова Вэнь Суя, Жань-Жань засмеялась и, склонив голову набок, подмигнула Си Чжоу:

— Тренер Чжоу-Чжоу, сяо Суй-гэ думает, что это и есть подарок! Он такой милый!

Вэнь Суй застыл в растерянности, всё ещё переполненный эмоциями. Си Чжоу кашлянул и, под вопросительным взглядом Вэнь Суя, который явно говорил: «Ты знаешь что-то, чего не знаю я», подошёл к другому мольберту в студии и спросил у Жань-Жань:

— Тогда я открою?

— Давай, пусть сяо Суй-гэ увидит настоящий подарок!

Чехол был снят, открывая картину высотой в половину человеческого роста. В центре холста,

занимая треть композиции, был изображен юноша с тонкими, изящными чертами лица и лёгкой улыбкой. Взгляд притягивала золотая медаль на его груди, ярко сверкавшая в окружении цветов. В левом верхнем углу, вдали, развевался пятизвёздочный красный флаг, пылающий, словно солнце. С правой стороны картины виднелся чей-то силуэт. Хотя лица не было видно, по белой полоске на рукаве можно было узнать форму тренера национальной сборной. Они стояли среди цветов и смотрели друг на друга.

— Эта картина — подарок тренеру Чжоу-Чжоу и сяо Сую-гэ. Желаю вам победить на Олимпийских играх и пусть мои старшие братья всегда будут счастливы!

Вэнь Суй потерял дар речи. Он мог только молча смотреть на картину, а потом на Жань-Жань. Си Чжоу тем временем тихо вышел из комнаты.

Мама Жань-Жань настояла, чтобы они остались на ужин. Си Чжоу пошел помогать ей на кухне. Эта женщина, выглядевшая старше своих лет, перебирая овощи, с улыбкой рассказывала о последних радостных событиях в жизни дочери. Её лицо сияло, и даже морщинки в уголках глаз разгладились. Си Чжоу, наконец, решился задать вопрос, который давно обдумывал:

— Тётя, у меня есть к вам просьба. Мы с сяо Суем — единственные дети в своих семьях, и мы хотели бы иметь честь... стать названными братьями Жань-Жань, если вы и дядя не против...

Вэнь Суй как раз помогал Жань-Жань спускаться по лестнице и, услышав слова Си Чжоу, невольно остановился.

— Конечно, мы не против! — воскликнула мама. — Жань-Жань и так считает вас родными братьями! Давайте сегодня за обедом отметим это!

Она так обрадовалась, что выключила плиту и побежала в кабинет за мужем, чтобы тот принёс вино. Вэнь Суй улыбался, глядя на Жань-Жань, но вдруг почувствовал, как к глазам подступили слезы, а сердце бешено заколотилось. В этот момент Си Чжоу посмотрел на него — их взгляды встретились, словно всё было сказано без слов. Он понимал его чувства. Он понимал всё.

***

После ритуала побратимства, выпив вина, они вызвали такси и поехали прямо к Вэнь Сую домой. Завтра был канун Нового года, но Вэнь Цунцзянь и Лян Шу попросили их приехать сегодня вечером, чтобы завтра утром вместе начать приготовления. Увидев, что Си Чжоу снова пришел с кучей пакетов, Лян Шу с улыбкой упрекнула его:

— Сколько раз говорить — в следующий раз приходи с пустыми руками! Иначе вообще не пуцу!

Си Чжоу смутился и не нашёлся что ответить. Вэнь Сую показалось, что между ними какая-то странная атмосфера, особенно после слов «не пуцу». Си Чжоу бывал в доме Вэнь Суя много раз, но в его комнату заходил впервые. Комната отражала характер хозяина — всё было просто, чисто, без лишних деталей. Ни безделушек на столе, ни постеров на стенах.

Всё было очень обыденно, но, переступив порог, Си Чжоу словно попал в личное пространство Вэнь Суя, и от волнения спросил:

— Ты что, даже не гонишься за звездами? У тебя совсем нет кумиров? — Почувствовав неловкость, он добавил: — Разве парни твоего возраста в школе не фанатеют от каких-нибудь знаменитостей?

На самом деле он просто пытался справиться со своим волнением, но не ожидал, что Вэнь Суй ответит:

— И я фанатею.

— Серьезно? И кто же это, парень или девушка?

Си Чжоу почувствовал укол ревности, но тут же одёрнул себя, напоминая, что не стоит ревновать. Однако его взгляд невольно следил за Вэнь Суем, который достал из ящика стола квадратный предмет, который, словно драгоценность, был тщательно завернут в бархатный мешочек. От этого Си Чжоу стало еще хуже. Он подошел к Вэнь Сую, уже собираясь шутливо отвлечь его, как тот прямо у него на глазах открыл шкатулку.

— Вот мой кумир, за которым я гоняюсь. Я начал восхищаться им ещё в детстве — и продолжаю до сих пор.

Си Чжоу замер. В шкатулке, конечно же, лежала его собственная фотография. Казалось, что ночное небо внезапно озарили сотни фейерверков, это было настолько прекрасно, будто нереально. Они сели на кровать и начали рассматривать содержимое шкатулки, словно перебирая дорогие сердцу безделушки. Вместе они просматривали записи, сделанные детской, а потом и взрослой рукой. Вэнь Суй делился с Си Чжоу историями, стоящими за этими записями, и это было даже интереснее, чем просматривать фотоальбом.

Лян Шу сначала думала, что не стоит подглядывать, но, услышав смех из комнаты, не удержалась и заглянула. Вскоре и она не могла сдерживать улыбки. Вэнь Цунцзянь, сидевший на диване, обернулся и, поправив очки, сказал:

— Глядя на тебя, я наконец-то понял, что молодые люди имеют в виду под «тётиной улыбкой [1]».

[1] "姨姨笑" (yí yí xiào) дословно переводится как «улыбка тёти». В интернет-сленге это выражение означает теплую улыбку, которую человек не может сдержать, наблюдая за чем-то милым и трогательным. Например, за влюбленной парочкой, маленьким ребенком или котенком. Часто используется в контексте романтических отношений, когда кто-то наблюдает за развитием отношений и умиляется происходящему.

Лян Шу посмотрела на него:

— Следи за языком! Какая я тебе тетушка? Это улыбка матери!

Вэнь Цунцзянь только покачал головой:

— Я, правда, не ожидал, что ты окажешься такой понимающей.

— Ты меня хвалишь? Почему бы мне не быть понимающей? — Лян Шу недовольно подошла к нему. — Разве тебе не нравятся эти двое? Ты хочешь разрушить их счастье? Разогнать палкой уток-мандаринок? Тогда иди и скажи это им сам, а не критикуй меня.

Вэнь Цунцзянь осторожно спросил:

— А как же внуки?

— Разве внуки важнее сына? — без колебаний ответила Лян Шу.

— Мудро. — Вэнь Цунцзянь с улыбкой взял у нее из рук дуршлаг. — Ты могла бы заняться этим завтра, зачем так поздно возиться?

— Мне нужно много всего сделать, боюсь, что завтра не успею. Хочу заранее приготовить начинку. Поможешь?

— Конечно, помогу, уже иду, — ответил он, держа в руках дуршлаг. — Дорогая жена, успокойся, этот младший уже спешит к тебе на помощь.

— Какой еще младший, ты скорее уже почтенный.

— Тогда ты — моя вечная красавица, как прима на сцене, даже спустя годы!

Вэнь Цунцзянь редко говорил такие слащавые речи, и хотя Лян Шу делала вид, что ей противно, ее уши покраснели.

— Ладно тебе, а то дети услышат и будут смеяться.

— Не волнуйся, они не услышат.

На кухне пара работала плечом к плечу: один резал овощи, другая готовила начинку. Вэнь Цунцзянь наблюдал за Лян Шу:

— Ты положила слишком много перца.

— Это для дедушки Янь, он любит поострее.

— Ах да, совсем забыл, вся их семья любит острое.

Лян Шу улыбнулась, ничего не ответив. Вэнь Цунцзянь, стряхивая с рук прилипшие кусочки овощей, обнял жену за плечи:

— Если хочешь вспоминать — вспоминай. Пока ты её помнишь, она жива в твоём сердце.

Лян Шу потерла глаза тыльной стороной ладони, чем напугала Вэнь Цунцзяня:

— Осторожно, перец!

— Нет, режь свои овощи.

Лян Шу ткнула его палочкой для еды, а Вэнь Цунцзянь схватился за грудь, изображая боль:

— Ой, столько лет прошло, а твоя рука всё ещё такая сильная.

И характер тоже вернулся. Но именно такую Лян Шу, яркую и энергичную, Вэнь Цунцзянь полюбил с первого взгляда много лет назад. Она не была самой яркой в толпе, но с тех пор навсегда осталась в его сердце. Как хорошо, что она наконец-то вернулась.

***

Си Чжоу оставался в доме Вэнь Суя до 27-го дня последнего лунного месяца, затем они вместе отправились к Янь Миншэну встречать Новый год.

Забив багажник продуктами, Си Чжоу поднялся наверх и увидел Вэнь Суя в комнате. Тот стоял перед открытым шкафом, в растерянности разглядывая одежду. На кровати лежало несколько комплектов.

— Что случилось?

Услышав голос Си Чжоу, Вэнь Суй нахмурился, держа в руках костюм:

— Помоги мне выбрать, что надеть сегодня.

Си Чжоу с улыбкой посмотрел на него:

— Ты же не в первый раз едешь к дедушке, почему вдруг так переживаешь из-за одежды?

Вэнь Суй бросил на него холодный взгляд, и Си Чжоу тут же поднял руки в знак капитуляции:

— Ладно, ладно, помогу.

В шкафу, кроме повседневной и спортивной одежды, была, конечно же, и форма сборной. Си Чжоу не мог ничего выбрать, ведь для влюблённого объект обожания всегда прекрасен. Немного подумав, он сказал:

— Мне кажется, форма сборной — самый лучший вариант. На ней есть государственный флаг, но...

Не успел он договорить, как Вэнь Суй ответил:

— Тогда форма.

Но не слишком ли торжественно надевать форму в обычный день? Потом Си Чжоу подумал, что дедушка, кажется, еще не видел Вэнь Суя в форме. Наверняка старик будет гордиться. Неплохая идея.

Си Чжоу был за рулем, Вэнь Суй сидел рядом, а Вэнь Цунцзянь и Лян Шу — сзади. Си Чжоу несколько раз бросал взгляд на Вэнь Суя и замечал, что тот сегодня какой-то другой. Он то поправлял ремень безопасности, то смотрел на свою одежду, словно нервничал. В присутствии родителей, Си Чжоу не решался спросить, что случилось, и просто сосредоточился на дороге, решив, что поговорит с ним позже.

Когда они подъехали к дому Янь Миншэна, ворота были распахнуты настежь, а снаружи стоял человек, с нетерпением ожидая их. Си Чжоу издали увидел высокую фигуру мужчины, стоявшую рядом с Янь Миншэном. Он был незнакомым, но в то же время до боли знакомым.

— Это... что он здесь делает?..

Машина медленно остановилась. Си Чжоу сидел за рулем, словно окаменев, пока Вэнь Суй не напомнил ему выключить зажигание и отстегнуть ремень. Дверь открыл Янь Миншэн, иначе Си Чжоу, наверное, так бы и остался сидеть в машине. Всё ещё немного ошеломленный, Си Чжоу вышел из машины, поздоровался с Янь Миншэном:

— Дедушка, — а затем, помедлив, посмотрел на другого мужчину и тихим, сдавленным голосом произнес: — Папа.

Отец Си Чжоу, Си Чжиюань, действительно был высоким, и одним своим видом внушал уважение. Однако, подойдя ближе, Си Чжиюань оказался совсем не таким, как представлял себе Вэнь Суй. Он был более приветливым, чем ожидал Вэнь Суй, сдержанным и скромным, очень похожим на Си Чжоу.

— Это сяо Суй? Как вырос!

— Здравствуйте, дядя Си.

Хотя Вэнь Суй уже некоторое время наблюдал за происходящим со стороны, к нему подошли только после того, как остальные обменялись приветствиями. Он всё равно немного нервничал. Это чувство было странным и необычным, Вэнь Суй чувствовал себя не в своей тарелке.

— Привет, сяо Суй. Много слышал о тебе от Чжоу.

Си Чжиюань был немногословен, говорил вежливо и мягко, казалось, с ним будет легко найти общий язык. Но по-настоящему Вэнь Суй начал расслабляться, когда Си Чжиюань посмотрел на вышивку с государственным флагом у него на груди, а затем, подняв взгляд, слегка кивнул с едва заметной улыбкой.

Тетя Линь заранее приготовила обед. Си Чжоу положил себе в тарелку немного еды, прожевал и услышал ответ Си Чжиюаня на вопрос Вэнь Цунцзяня. Тот спросил, когда Си Чжиюань сможет выйти на пенсию:

— Ты большую часть жизни посвятил работе, наконец-то сможешь отдохнуть.

Вэнь Суй сидел рядом с Си Чжоу и заметил, что тот постоянно посматривает в сторону Си Чжиюаня. Хотя внешне он казался отстраненным, в душе, несомненно, был рад. Но Си Чжиюань ответил:

— Возраст уже подходит, но меня собираются оставить на службе.

Дзинь... Палочки слегка стукнули о край керамической миски. Звук был слишком тихим, чтобы его кто-то заметил, но Си Чжоу почувствовал, как Вэнь Суй сжал его руку под столом. Лян Шу вздохнула:

— Там тяжелые условия и отсталая экономика. Ты уже не молод, лучше возвращайся поскорее и наслаждайся жизнью.

Си Чжиюань только улыбнулся:

— Именно потому, что условия плохие, там не хватает людей. Я не могу уйти.

Они закончили обед поздно, почти в два часа, а затем Си Чжоу вышел поговорить с отцом наедине. После стольких лет разлуки им наверняка было что обсудить.

Время послеобеденного отдыха уже прошло, и Янь Миншэн, опасаясь, что если он снова ляжет спать, то не сможет заснуть вечером, решил прогуляться, чтобы взбодриться, и позвал Вэнь Суя с собой. Когда они вернулись с прогулки, Си Чжоу уже был дома и, казалось, давно ждал Вэнь Суя. Увидев его встревоженный вид, Янь Миншэн сердито сказал:

— С ним же был я. Разве я мог его потерять?

После чего спокойно отправился играть с кошкой. Лян Шу собиралась сама приготовить ужин, но Вэнь Цунцзянь не дал ей этого сделать и выпроводил из кухни.

— Сегодня папы готовят, а мама отдыхает.

Тогда Вэнь Суй узнал, что Си Чжиюань тоже прекрасно готовит. Вэнь Цунцзянь помогал ему:

— Чжоу давно не пробовал твоей стряпни, правда? Пусть сегодня он будет главным поваром. Впереди ещё много дней, потом тётя сможет готовить.

Лян Шу улыбнулась:

— Не думала, что спустя столько лет ты всё ещё так хорошо готовишь.

— Вдали от дома приходится всё делать самому, — ответил Си Чжиюань.

— Юйфань всегда очень любила твои блюда, — кивнула Лян Шу.

Си Чжюань слегка поднял взгляд и улыбнулся Лян Шу:

— Да.

Как незаметно пролетели годы.

На кухне два отца всю готовили ужин, который должен был быть готов к семи часам вечера. Вэнь Суй вышел за кошкой на улицу и, увидев вдали редкие вспышки фейерверков, вспомнил тот год и бенгальские огни.

— Хочешь запустить фейерверк? Пойдём купим.

Си Чжоу взял Вэнь Суя за руку и, не дав ему опомниться, повёл за собой. Магазинчик, где продавали бенгальские огни, был на том же месте. Вэнь Суй смотрел, как Си Чжоу шутит с продавцом, и ему казалось, что это было только вчера. Но теперь, когда Си Чжоу вернулся, он просто сунул ему в руку бенгальский огонь, встал рядом и, пользуясь прикрытием ночи, сцепил их ладони. Вэнь Суй хотел спросить Си Чжоу, было ли «Юйфань» именем его матери, но передумал. Бенгальские огни зажглись, рассыпав вокруг маленькие искры. Они держали по два огонька в каждой руке, размахивая ими и рисуя в темноте линии, похожие на падающие звезды. Время от времени они смотрели друг на друга. Свет бенгальских огней был слишком слаб, чтобы осветить что-то, кроме их лиц, но этого тепла было достаточно.

— Ты знал, что мой отец вернётся, и специально не сказал мне?

Допрос, хоть и с опозданием, но состоялся. Вэнь Суй признался, что хотел сделать Си Чжоу сюрприз. В тот год, во время зимних каникул, когда Си Чжоу в шутку сказал, что уедет за границу к отцу, Вэнь Суй понял, как сильно Си Чжоу скучает по нему. Так же, как Си Чжоу понял, что Вэнь Суй всегда считал Жань-Жань своей настоящей сестрой. Они оба делали друг другу маленькие трогательные сюрпризы, не говоря ни слова, но точно зная уязвимые места в сердцах друг друга.

— Ты злишься на своего отца? — спросил Вэнь Суй.

Си Чжоу покачал головой:

— Нет. Он хоть и не был рядом физически, но его влияние и помощь ощущались постоянно, и это выходит далеко за рамки простой генетики. — Он усмехнулся: — Помню, в детстве отец всегда говорил мне, что чем больше у человека возможностей, тем большую ответственность он должен нести. От некоторых вещей нельзя просто убежать, потому что они останутся в твоём сердце. У него было много желаний, он многого хотел достичь, но, к сожалению, человек не всемогущ. Он не выполнил свой долг отца, и сожалеет об этом, но точно не жалеет о своем выборе.

— Он сказал тебе это сегодня? Ты не обиделся?

Сожалеет, но не раскаивается. Даже не попытался смягчить удар ласковым словом. Как это холодно и больно.

Си Чжоу погладил Вэнь Суя по волосам:

— Конечно, я немного обижен, но я понимаю его. Возможно, как сын, я могу злиться на него, но как гражданин своей страны, я не могу отрицать его вклад и труд на благо родины. К тому же, я уже взрослый и больше не нуждаюсь в его защите, но есть много других людей, которым она нужна. Они далеко отсюда и ждут его возвращения. Так как же я могу злиться?

Бенгальские огни догорели, на западе показалась луна. Хотя звёзды и луна не могут соперничать с солнцем, а люди в темноте могут обманываться мимолетными вспышками света, они всё же указывают путь. Вспомнив теорию о звёздах и луне Си Чжоу, Вэнь Суй вдруг сказал:

— Кто говорит, что свет в темноте не прекрасен? Именно он трогает сердце. Ведь именно он рассеивает тьму и помогает заблудшим найти дорогу. — Он посмотрел на Си Чжоу: — Твой отец — солнце, освещающее весь мир. Его любовь огромна. Я же более ограничен и эгоистичен. Я хочу быть луной или даже звездой. У меня не так много света, но его достаточно, чтобы осветить твой путь.

— Сяо Суй... — Си Чжоу невольно взял Вэнь Суя за руку.

Тихий кашель прервал этот произвольный жест. Позади них стояла Лян Шу. Вэнь Суй замер, обернулся и сказал: «Мама», но Си Чжоу не отпустил руку, даже сжал её крепче. Лян Шу заметила это едва уловимое движение, в её глазах мелькнуло одобрение, и она спокойно сказала:

— Вышла подышать. Там, в доме, два мужчины и один дедушка — очень шумно.

Вэнь Суй не до конца понял её реакцию. Неужели она считает, что им нормально держаться за руки? Лян Шу не смогла сдержать улыбки:

— Не волнуйтесь, я специально подловила вас. А то кто знает, когда бы вы решились мне всё рассказать?

Вэнь Суй остолбенел и машинально посмотрел на Си Чжоу, но, к своему удивлению, обнаружил, что тот, кажется, не так удивлён, как он сам.

— Мама, ты... не против? Мы...

— Я знаю, кто вы друг для друга. — Лян Шу подмигнула Си Чжоу: — Сяо Чжоу, не мог бы ты одолжить мне своего парня на две минутки?

— Тётя...

Старый имбирь всё же острее, у неё было больше опыта. Даже Си Чжоу покраснел от её прямолинейности и не знал, что ответить. Не успел Вэнь Суй разобраться в ситуации, как Лян Шу отвела его в сторону:

— Мам, ты давно знала? Это Си Чжоу тебе...

Лян Шу вздохнула, её сын давно умел хранить секреты.

— Ты хочешь обвинить сяо Чжоу в том, что он рассказал? Впрочем, ты не можешь его винить. Я всё-таки взрослая и сама могу всё видеть.

Вэнь Суй был уверен, что на людях они держали дистанцию. Лян Шу словно прочитала его мысли:

— Глаза не могут врать.

Глядя на то, как воркуют эти двое, Лян Шу поняла, что Вэнь Цунцзянь был прав: любой, кто это увидит, невольно умилится. Однако, как старшей, ей нужно было сказать то, что должно быть сказано:

— Сяо Суй, этот путь нелёгок, но ты сам его выбрал, и я поддержу тебя, несмотря ни на что. Ты всегда был самостоятельным, и дороги, которые ты выбираешь, никогда не бывают простыми, но ты всегда идёшь по ним красиво. Раньше я не смогла тебя поддержать, но больше не повторю этой ошибки. Если когда-нибудь тебе будет тяжело, грустно или больно, папа и мама всегда будут твоей опорой.

— Мама...

Лян Шу обняла Вэнь Суй за плечи. Незаметно для неё сын так вырос, что она уже не могла обнять его целиком. Но Вэнь Суй опустил голову, прижавшись к матери. Лян Шу несколько раз повторила «хорошо», её глаза наполнились влагой. Она с трудом сдержала слёзы и, улыбнувшись, сказала:

— На самом деле, есть одна вещь, которую я всегда хранила в сердце и никому не

рассказывала. В юности у всех бывают смутные чувства, а связи между людьми — нечто удивительное. Иногда границы между чувствами стираются. Знаешь, я когда-то думала, что влюблена в маму сяо Чжоу, твою тётю Юйфань.

Вэнь Суй удивлённо открыл рот, но не стал перебивать. Рассказывая об этом, Лян Шу выглядела немного смущенной, но в её голосе звучала ностальгия:

— Мы с ней росли с самого детства и были ближе, чем родные сёстры. Настолько близки, что я ревновала её ко всем, с кем она играла. А она была старостой класса, доброй, милой и талантливой, совсем как сяо Чжоу. Она всегда была очень популярна. Поэтому, когда я начала взрослеть, а у других девочек уже появлялись симпатии к мальчикам, я подумала, что влюблена в неё, потому что ни к кому другому я не испытывала таких сильных чувств. В те времена такие чувства были не просто чем-то необычным, они меня пугали. Я пыталась избавиться от них, но не смогла. Я продолжала думать о ней и чувствовала, что она тоже относится ко мне иначе, чем к остальным.

— Потом мы окончили университет и стали снимать квартиру вместе. Она не умела готовить, но была гурманом, поэтому я научилась готовить для неё. У нас обеих была стабильная и хорошая работа, и я думала, что так будет всегда. Дружба или любовь — неважно, главное, что она рядом. Пока однажды твоя тётя Юйфань не присоединилась к программе помощи Африке и не уехала туда. Тогда все вокруг были категорически против, но она, не колебалась. Именно там она встретила дядю Си. Всего за полгода их отношения переросли в брак. Я чувствовала себя преданной и какое-то время даже хотела прекратить с ней общение. Потом она забеременела сяо Чжоу и была вынуждена временно вернуться домой. Я не смогла удержаться и всё равно навещала её.

Лян Шу, казалось, вспомнила себя в те наивные времена и улыбнулась:

— Тогда она много рассказывала мне о своей жизни в Африке. Ей там действительно нравилось. Она говорила, что самое большое счастье в её жизни — встретить дядю Си и меня, познать настоящую любовь и настоящую дружбу. Они с дядей Си были родственными душами. Она даже шутила, что если бы не он, то, наверное, прожила бы всю жизнь со мной, потому что никто не относился к ней лучше, чем я. Тогда я задумалась, не догадывается ли она о чём-то и не говорит ли мне это специально. Но, похоже, это было не так, потому что постепенно я поняла, что, хотя я и ревновала её к другим друзьям, я не могла ревновать к дяде Си. Они действительно подходили друг другу, им суждено было быть вместе. И настоящая любовь — нечто большее, чем просто забота друг о друге. Твой отец потратил много лет, чтобы научить меня этому.

Лян Шу, успокоившись, взяла Вэнь Суя за руку и нежно погладила тыльную сторону его ладони:

— Я рассказываю тебе это, потому что мне не достичь того, что было у родителей сяо Чжоу. Даже если бы у меня и были какие-то чувства к его маме, наши отношения были бы обречены на провал. Но вы другие. Вы поддерживаете друг друга, помогаете друг другу расти. Я горжусь тем, что вы вместе, и я за вас спокойна. Что бы ни случилось, помните о своих чувствах друг к другу и продолжайте идти вместе.

Вэнь Суй серьёзно посмотрел на Лян Шу:

— Хорошо. Я постараюсь, мама.

Он вдруг вспомнил ещё кое о чём и хотел спросить, но Лян Шу сказала:

— Иди, сяо Чжоу ждёт тебя. Гуляйте, сколько хотите, ваши папы рады за вас.

Ваши папы?.. Вэнь Суй замер и недоверчиво поднял глаза. Лян Шу, улыбаясь, уже уходила. Вернувшись к Си Чжоу, он всё ещё не мог поверить в произошедшее. Всё случилось так внезапно, словно крепость, которую он так долго собирался штурмовать, рухнула сама собой за одну ночь.

— Моя мама, наверное, разговаривала с тобой раньше? Почему ты мне ничего не сказал? Когда это было?

Вэнь Суй даже не давал ему держать себя за руку, и Си Чжоу почувствовал себя немного обиженным:

— Я не хотел скрывать от тебя, просто тогда это была... любовь лишь с моей стороны. Я боялся тебе признаться.

Вэнь Суй замолчал. Воспользовавшись его замешательством, Си Чжоу снова взял его за руку:

— Помнишь, как в первый год после твоего вступления в провинциальную сборную я встречал тебя на вокзале? Это тоже был канун Нового года. Тао Цзя приходила к тебе в гости. Потом ты провожал меня, и мы разговаривали, пока твоя мама не спустилась вниз с угощением?

— Конечно, помню.

Си Чжоу наклонился к нему и тихо сказал на ухо:

— На самом деле, твоя мама вышла раньше. Она увидела нас у подъезда и поняла, что я смотрю на тебя не просто как друг. Тогда я чуть не поцеловал тебя.

Вэнь Суя обдало горячим дыханием Си Чжоу, и он притворно фыркнул:

— Так ты тогда уже... Постой, кстати, есть одна вещь, которую я так и не понял. Почему ты тогда разозлился?

Кто же не умеет ворошить прошлое. Си Чжоу ущипнул его за щеку:

— А ты как думаешь? Золотой мальчик и золотая девочка, идеальная пара? — прошипел он сквозь зубы, продолжая мять щёки Вэнь Суя.

Вэнь Суй ущипнул его в ответ:

— Ревнивец. Пил уксус из-за такой мелочи.

Си Чжоу обхватил его лицо руками и в наказание укусил за губу. Вэнь Суй возмутился:

— Тренер Си, среди бела дня так обращаться со своим подопечным? Вам не кажется, что это неуместно?

Но вместо ответа Си Чжоу просто закинул его за спину и унёс в небольшую рощу. Что же они делали в этой темной, глухой рощице? Что ещё можно делать? Конечно же, душевно беседовали и проводили воспитательную работу с непокорным учеником.

Вэнь Суй прижали к дереву. Он, задыхаясь от поцелуев, продолжал поддразнивать Си Чжоу, называя его «тренером». Он прекрасно знал, что с характером Си Чжоу тот ни за что не переступит черту, и наслаждался тем, как тот мучается, разрываясь между желанием и необходимостью сдерживаться. Конечно, в итоге он сам попался на своей же игре. Всё закончилось угрожающим шёпотом Си Чжоу:

— Позже я с тобой рассчитаюсь.

Вэнь Суй вовремя остановился, извинился, и, немного успокоившись, они вернулись к разговору, прерванному у дерева.

— Моя мама тогда тебя не обидела?

В то время Си Чжоу как будто вдруг охладел к нему. Но это совпало с тем периодом, когда Вэнь Суй поставил себе цель на три года и тоже намеренно дистанцировался. Теперь, оглядываясь назад, он понимал, что тогда что-то произошло.

— Нет, не обидела. Тётя попросила меня о двух вещах. Во-первых, не предпринимать никаких решительных действий, пока я не буду уверен в твоих чувствах. А во-вторых... быть рядом с тобой.

Услышав это, Вэнь Суй повернулся к нему:

— Ты поэтому принял приглашение тренера Гао?

— Нет. К тому времени, когда тётя поговорила со мной, я уже был в провинциальной сборной. На самом деле, я долго думал над этим решением. Точнее, окончательно вернуться в провинциальную команду меня заставил случай, когда у тебя обнаружили боязнь желтого. — Си Чжоу положил руку Вэнь Сую на лоб: — Ты так мужественно боролся с болезнью, всегда выполнял свои обещания, а я топтался на месте. Я говорил себе, что нужно двигаться вперёд, но на самом деле оставался в своей зоне комфорта. И тогда я подумал: ты так стараешься ради нашей мечты, а что делаю я? Я лишь подтолкнул тебя к этому, стал твоим наставником, а потом ничего не делал.

— Я понял, что так нельзя. Если я буду просто ждать тебя здесь, чем я буду отличаться от родителей, которые отправляют своих детей в университет и оставляют их идти своим путём? А я не хочу быть для тебя родителем. Я хочу быть для тебя особенным. Поэтому я и решил уйти. В тот день, когда я принял решение, я пообещал себе, что воспользуюсь провинциальной сборной как ступенькой для попадания в национальную сборную, чтобы догнать тебя как можно скорее.

Вэнь Суй задумался и пробормотал:

— Вот значит как. Ты задумал это ещё тогда.

— На самом деле, ещё раньше, — воодушевился Си Чжоу. — Когда мы ездили в Бангкок, у меня была ещё одна цель, о которой я тебе не рассказывал. Я хотел, чтобы твоё первое международное соревнование прошло рядом со мной.

Вэнь Суй был озадачен. Он помнил, что Си Чжоу говорил о какой-то другой цели, о которой пока не может рассказать, но это не звучало таким уж важным:

— И что же в этом такого секретного?

Си Чжоу понял, что нечаянно проболтался, и, махнув рукой, отвернулся:

— Давай не будем об этом.

— О-о, я вдруг вспомнил, что у меня есть неиспользованный долг. Чуть не забыл, — Вэнь Суй с лукавой улыбкой приблизился к Си Чжоу.

— Хм... — Си Чжоу чувствовал себя неловко под его взглядом. — Этап в Бангкоке был твоим первым международным соревнованием.

— И что?

— Я боялся, что ты будешь нервничать, поэтому хотел быть рядом.

Вэнь Суй перевернулся и, прижав Си Чжоу за плечи, спросил:

— Скажешь правду?

— Ладно, ладно, скажу, скажу.

Какие ещё более откровенные слова он мог сказать после всего, что было? Си Чжоу рассмеялся:

— Я боялся, что тебе будет неловко. Ну, тогда слушай... — Он обнял Вэнь Суя за талию и прошептал ему на ухо: — На самом деле, я хочу быть частью каждого твоего «первого раза». Нет, не так. Я хочу, чтобы они все принадлежали только мне.

Вэнь Суй, как и ожидалось, покраснел и через некоторое время выдавил:

— Детский сад.

Теперь Вэнь Суй понял, почему Си Чжоу тайком покупал духи. Кто бы говорил! Воин, отступивший на 50 шагов, смеётся над отступившими на 100. Он и сам хотел, чтобы этот лучик света принадлежал только ему. Казалось, романтическая атмосфера вернулась, и кто-то снова хотел поиграть в сладкие игры влюблённых, но Вэнь Суй вдруг замер. У него ещё оставались вопросы:

— Когда ты рассказал своему отцу о нас?

— Сегодня днём.

— А он...

Си Чжоу сначала поцеловал кончики пальцев Вэнь Суя, чтобы немного утолить свою жажду:

— Не волнуйся. Ты же сам сказал, что мой отец — человек с большой душой. И даже если бы ты ему не понравился, он всё равно полюбил бы флаг на твоей форме.

Вэнь Суй строго посмотрел на него. Си Чжоу затрясся от смеха:

— Шучу. Он очень рад за нас. Сказал, чтобы я хорошо к тебе относился. Сказал, что если ты, такой молодой, выбрал меня, то мне повезло в нескольких жизнях.

— Сомневаюсь, что он так сказал.

— Раскусил, — Си Чжоу заткнул Вэнь Суя поцелуем. — Дай мне тебя поцеловать, остальное обсудим позже.

Научно доказано, что поцелуи сжигают много калорий и способствуют похудению. Спортсменам и тренерам в расцвете сил худеть пока не нужно, но когда целуешься с таким пылом, вполне возможно, что живот заурчит. Си Чжоу снова прервался. На этот раз от смеха. Да этот малыш меня изматывает. Быть с ним — настоящее испытание. А что касается Вэнь Суя, то, кажется, весь пыл Си Чжоу перешёл к нему:

— Не смейся.

— Не смеюсь, не смеюсь. Пойдём ужинать.

Они взялись за руки и вместе вернулись домой. На столе в гостиной уже стояли праздничные блюда. Они вернулись как раз вовремя. Оставалось только дожидаться, когда приготовится новогодний пирог на пару и тушеная свинина. Это был первый настоящий семейный ужин, и Лян Шу предложила начать с тоста.

— Отличная идея! — поддержал Вэнь Цунцзянь. — Пусть каждый скажет по несколько слов. Дедушка, начинайте!

Все захлопали. Янь Миншэн, держа в руке бокал, встал и с улыбкой сказал:

— Даже не дали старику подумать. Тогда скажу просто: надеюсь, что проживу ещё много лет и буду для всех вас сокровищем.

У кого есть старший дома — тот обладает кладом.

— Хорошо! Давайте все вместе пожелаем дедушке крепкого здоровья и долголетия!

Все подняли бокалы и выпили до дна.

— Следующая — единственный цветок за нашим столом, госпожа Лян.

Лян Шу рассмеялась от слов Вэнь Цунцзяня, взяла бокал, встала у стола, немного подумала и затем медленно произнесла:

— Я желаю своим сыновьям идти рука об руку с любовью всей своей жизни, чтобы они с ней были вместе до старости, чтобы их души и тела не знали одиночества, чтобы вся их жизнь была наполнена миром, благополучием, здоровьем и счастьем!

Закончив, она увидела, что все молчат, и смущённо улыбнулась:

— Я, наверное, пожелала слишком многого?

— Почему много? В самый раз! — Вэнь Цунцзянь не успел договорить, как Вэнь Суй и Си Чжоу встали и одновременно подняли бокалы за Лян Шу.

— Ну что, Си-старший, твоя очередь.

Си Чжиюань немного помолчал:

— Тогда я пожелаю мира и процветания стране, хорошей погоды и богатого урожая!

— Как и положено Си-старшему! За мир, процветание, хорошую погоду и богатый урожай, давайте выпьем!

Ещё один полный бокал был осушен. Следующим был Си Чжоу.

— Я желаю... — он посмотрел на человека рядом с собой. Вэнь Суй стеснялся, и Си Чжоу не хотел заставлять его первым менять обращение, поэтому, поддавшись хмелю, он встал и торжественно произнёс:

— Я желаю родителям здоровья, мира и радости.

Вэнь Цунцзянь и Лян Шу переглянулись, затем посмотрели на Си Чжюаня. В глазах всех троих появилось понимание, и их улыбки стали ещё шире. Вэнь Цунцзянь хлопнул по столу:

— Хорошо, хорошо, отлично сказано!

По правилам нужно было выпить, но Вэнь Цунцзянь сказал:

— Подождите, пока сяо Суй скажет свой тост, тогда выпьем вместе.

Услышав это, Вэнь Суй тоже встал. В присутствии родителей и Янь Миншэна он чувствовал себя как на какой-то особенной церемонии. Он невольно посмотрел на Си Чжоу и встретился с его ободряющим взглядом. Он облизнул губы и сказал:

— Тогда я желаю... исполнения мечт.

— Замечательно! Пусть все мечты исполнятся! — Вэнь Цунцзянь тоже встал, и все остальные подняли бокалы. — Раз уж все высказали свои пожелания, я повторю за сяо Суем — Исполнения мечт! И в завершение я хочу пожелать всем нам и нашей Родине, чтобы в новом году все пути были гладкими, а все желания исполнялись!

— За наше здоровье!

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12809/1130145>